

В Риге вы на шаг опережаете Россию

Щедровицкий П.Г. В Риге вы на шаг опережаете Россию // 7 секретов. еженедельник. 14.04.2011. №15.

В марте Ригу посетил известный российский философ, методолог, политолог Петр Георгиевич Щедровицкий. Тема нашего разговора — эволюция регионального развития.

Железнодорожные революции

— Думаю, что одна из наших главных проблем — отсутствие масштабного видения и недостаточное понимание взаимосвязи явлений: как в пространстве, так и во времени. Надо полагать, что и региональное развитие не есть лоскутное одеяло, составленное из отдельных, конечных в себе событий. Из чего выросла современность этого понятия?

Где-то с конца XVIII века, ориентировочно с 1770–1780 годов, мы прошли, по крайней мере, четыре этапа регионального развития. А сейчас входим в пятую эпоху. Она также окажет огромное влияние на образ жизни, в том числе и на экономику.

— А из чего вырастает пятая эпоха?

Первая волна регионального развития — это локальная промышленная индустриализация и урбанизация территорий, которая проходила с 1770 по 1850 год. В этот период формировались первые промышленные зоны на базе новых производственных городов. Этот цикл сопровождался бумом каналов с 1780 по 1840 год. Например, в США бум прекратился только к 1837 году, когда уже наметились контуры грядущей железнодорожной революции.

— Их же было несколько.

Первая железнодорожная революция происходила до массового выпуска стали. А второй цикл, который длился приблизительно с 1850 по 1910 год, — это цикл создания крупных промышленных центров с развитыми современными коммунальными инфраструктурами. Фактически, это сплошной переход к индустриализации и урбанизации территорий. В этот период ключевыми отраслями стали металлургия и машиностроение (прежде всего транспортное, химическое, энергетическое, электротехническое).

В этот период Европа переживает коренную ломку традиционной застройки средневековых городов. Формируются крупные проекты, связанные с переустройством городов под массовое промышленное строительство. Города в это время получили коммунальные инфраструктуры, к которым мы привыкли, общественный транспорт. Это позволило растянуть пространство городов, они стали крупнее. Например, еще в 90-е годы XIX века более 80% всех передвижений в самых крупных городах — пешеходные. Появляется газовое освещение улиц. Оно позволило масштабировать индустрию развлечений и торговлю. Водоснабжение, канализация... Самый начальный период электрификации. Рельсовый транспорт, отсюда — городские метро и трамваи.

А позже — вторая железнодорожная революция. Крупные морские перевозки осуществляются судами, которые постепенно перешли от бункерного угля в качестве топлива к нефти. Автотранспорт появляется, но не является доминирующим.

Третий цикл: 1920–1960 годы. Это цикл преобразования территорий под массовое конвейерное производство и массовые, в том числе глобальные, рынки. В структуре экономики доминируют новые

отрасли: автомобильная промышленность, производство бытовой техники. Электрификация не только производства, но и домашних хозяйств.

— Но эта поступательная логика не всегда получалась столь стройной, как в изложении. Человечество весьма часто применяло плоды этих этапов для кровопускания.

Да, частично эти процессы были прерваны, например, мировой войной, и имели двухпиковую структуру. В частности, такую структуру имела автомобильная революция.

На третьем этапе пространство форматируется под новый доминирующий социальный слой — это уже не пролетариат, это так называемый средний класс. Прежде всего, это — городской класс. Крупные города берут курс на концентрацию, на наращивание человеческого капитала на своих территориях. Завершением этого цикла пространственной организации мира является запуск в 1961 году контейнерных перевозок, что удешевляет транспортировку и логистику готовой продукции, а также запускает систему аутсорсинга и офшорного производства, которое в дальнейшем определило лицо размещения производств из США и Европы в новых индустриальных странах.

Постиндустриальная статистика

— А что в рамках нашей темы происходит сейчас?

Цикл, в котором мы с вами живем, начался приблизительно в 1970 году. Когда он завершится, трудно сказать. Но запущен он был революцией сложной электроники и бытовой техники, фармацевтики,

новой энергетики. Эти революции предлагали в качестве самого мощного драйвера развития информационно-коммуникационные технологии: компьютерную технику, разработку программного обеспечения, новые коммуникации.

При этом в потребительский рынок, на смену традиционному среднему классу, в качестве основного инвестора в городскую недвижимость приходит новый средний (его называют креативный, интеллектуальный) класс, ориентированный на новую роскошь. Сильверстайн и Фиск назвали его массатижным. То есть — товары массовые, но престижные.

Фактически это революционизировало рынок инвестиций в недвижимость. Причем как в жилую, так и в офисную. В то же время прорыв в индустриальную зону, основанный на концентрированном интенсивном применении знаний, на использовании человеческого капитала, удался далеко не всем как в глобальном масштабе, так и в отдельных странах. Практически во всех индустриально развитых странах в разное время появились территории, не попавшие в ограниченный круг постиндустриальных зон. Отсюда, например, такие термины, как "ржавый пояс", "сживающиеся города". Если смотреть на статистику постиндустриального развития, выясняется, что в США с 1974 по 1984 год основной вклад в постиндустриальный рост вносили Сан-Франциско и Кремневая долина, увеличив свою долю в ВВП за этот период с 5 до 12% всего за десять лет. Соответственно уже сейчас понятно, что основная доля постиндустриальных инвестиций распределяется между тремя городами — Сан-Франциско, Бостоном и Нью-Йорком. А все остальные территории скорее деградируют. Поскольку капиталы и люди перемещаются в постиндустриальные зоны и получают эффект от постиндустриального развития. Возникает своеобразная география инновационных зон, формируются транспортные коридоры, которые охватывают океанические трассы,

связывающие Европу, США и океанский регион. Логистика достаточно серьезно влияет на пространственную организацию, и самыми революционными оказываются преобразования в авиасообщении. За счет радикального снижения стоимости развиваются высокоскоростные железнодорожные магистрали и океанический транспорт на базе суперкораблей. Китайцы сейчас пускают поезд между Шанхаем и Пекином со скоростью 400 километров в час. Дальше они предполагают связать Шанхай с югом страны такими же высокоскоростными магистралями. Это радикально меняет пространство.

Новые принципы

Но в связи с этим традиционные институты (например, крупноформатная загородная торговля, которая создавалась на предыдущей стадии) переживают резкий кризис. Значит, меняются структура, характер недвижимости и принципы градостроительства. Городам теперь предъявляются другие требования. Это реконструкция центров, пешеходная доступность, оценка качества городской среды по числу посещений, по количеству денег, которые человек приносит в театр, кафе.

На немецкой выставке Экспо в Шанхае был продемонстрирован дом, который весь состоит из солнечных панелей. Там нет больше стоящих на крыше панелей из кристаллического кремня, а есть пленочное покрытие всех поверхностей — стекол, стен, крыши, что позволяет этому дому не потреблять электроэнергию, а генерировать. Поэтому зависимость от централизованных источников электроэнергии постепенно снижается. Город становится другим, в нем должны быть совершенно другие инфраструктуры.

Вот эта революция уже стучится в дверь и указывает на то, что возможен переход на следующий этап, который как бы должен от фрагментированной постиндустриальной урбанизации перейти к тотальной постиндустриальной урбанизации. Так же как мы когда-то прошли два этапа индустриального развития — от локального и фрагментированного к тотальному, который охватил весь мир в начале XX века.

— И мы сейчас в кризисе, потому что опять вступаем в новый цикл?

Какова его временная динамика — вопрос второй. Но вот моменты, которые его структурируют: рост значения крупных городов и хорошо структурированных агломераций, распространение инновационных зон разного типа, новые логистические системы, переход к ресурсно эффективным городам, когда благодаря новым технологиям мы получим возможность перестроить очень неэффективную сегодня, теряющую огромное количество ресурсов на теплоснабжение, водоснабжение и т. д. городскую инфраструктуру.

То есть на рынок в ближайшее время поступят новые системы, которые ориентированы на более локальные структуры генерации электроэнергии, очистки воды, обеспечения энергоэффективного пространства внутри самого дома. Во многих странах уже сегодня ставят чипы на каждый аппарат. Холодильник может вам закупать продукты сам. В нем установлена электронная система, которая считывает штрих-коды продуктов, находящихся в холодильнике, и в тот момент, когда продукт кончается, холодильник сам по Интернету заказывает этот продукт. Сам следит за своей наполняемостью. Также, если вдруг наступает ограничение по энергоснабжению, компьютер сам последовательно отключает систему потребления электричества. Если у вас в доме стоит аппарат искусственной почки, то он будет отключен в последнюю очередь.

— А в такой системе человек не становится лишним?

На каждом этапе всех пугали подобными вопросами. Но человек на протяжении веков так и не стал лишним.

Управление мобильностью

— Как нам вести себя в этой ситуации, как самоорганизоваться? Или просто поддаваться течению?

Через 15–20 лет это будет реальностью нашей жизни. К ней нужно готовиться. Мир поменяется. Резко поменяется. А у вас, на мой взгляд, сделано несколько интересных ходов. Вы все – таки продвинулись. Хотя бы на предмет превращения Риги в транспортный, авиационный узел. Вы не завершили этот процесс, но сделали очень серьезный шаг. И в этом плане наличие такого транспортного узла — и портового, и авиационного, а в дальнейшем — использование европейской энергетики (не в смысле поставки энергии, а в смысле импульса для того, чтобы совершенствовать логистику и пробивать высокоскоростные магистрали, как железнодорожные, так и автомобильные) позволит людям совершенно иначе видеть свое будущее. Услышьте меня, пройдет несколько лет и доехать утром из Латгалии в Ригу на работу, а вечером вернуться не будет проблемой.

— Показалось, что из сказанного вами следует некое новое кочевничество. По принципу — не бизоны к племени, а племя к бизонам (производствам, технологиям). Что тогда есть управление на этом пятом этапе?

Например, это управление мобильностью. Понимание того, что в Европе через 20 лет будет четыре–пять крупных мегаполисов, куда

будет устремляться основная активность и где будет концентрироваться интеллектуальный, творческий потенциал.

— Этим вы расстраиваете наш крестьянский народ. Ведь получается, что вся Латвия — это Рига.

Нет, я как раз говорю другое. Я говорю, что в силу роста доступности территорий традиционные экологические формы проживания, наоборот, вырастут в цене. Но, еще раз, у вас исчезает та проблема, которая традиционно не давала возможность части территории, людям, проживающим на этой территории, включаться в более развитые и эффективные виды деятельности. Вы сегодня, находясь в Латгалии, можете совершенно спокойно через информационную систему иметь доступ к самой современной актуальной информации, работать с ней на расстоянии. Вам не обязательно ехать куда-то, чтобы протирать штаны на рабочем месте.

— Вы по ходу нашего разговора сказали, что в Сибири жить трудно и, возможно, не надо. А чем наши пустеющие деревни не Сибирь? Жить становится тяжелее, школы закрывают, осталось старшее поколение...

Как и весь Советский Союз, вы — в меньшей степени, мы, Россия, в большей степени зависли между третьим и четвертым этапом этой пространственной революции. Что происходит? Мы переживаем кризис четвертой революции, кризис перехода от третьей к четвертой, и — одновременно — от четвертой к пятой. И эти революции пространственной организации требуют разного. В третьей изменения пространства сконцентрированы на индустриальных центрах. В четвертой возникают локальные инновационные зоны, но сегодня на этот статус может претендовать только Рига. В Риге вы на шаг опережаете, например, Россию. В силу того, что у вас небольшое пространство, относительно небольшое население и все как бы на

виду. А следующая эпоха еще раз поменяет ценность активных участков пространства. В этом плане надо посмотреть на шагочек вперед и переоценить ресурсы, которые есть, уже не с точки зрения прошлого, а с точки зрения будущего.

— Как в эту систему укладываются национальные понятия? В Латвии они очень существенны. А в том, что вы описали, они не видны.

Культурные основания никуда не деваются. Они просто на каждом этапе переосмысливаются. Как бы претерпевают некоторую переплавку. В том числе и для вас в европейском масштабе. Я считаю, что ваше европейское самоопределение очевидно. Для вас пространством является большая Европа. Чуть уже — Балтика, Северная Европа. Но все равно это ваш мир, в котором вы чувствуете свою идентичность, в котором вам комфортно с психологической и культурной точки зрения. Я думаю, что это сохранится.

Но в любой малой стране Европы люди сегодня осваивают три — четыре языка. Именно потому, что они очень хорошо понимают, что их трудоустройство в самой стране проживания далеко не всегда можно гарантировать. Любой голландец или любой финн понимает, что надо знать английский, немецкий, свой родной язык... А некоторые уже учат китайский. Такой полилингвизм позволяет вам рассчитывать, что ваш труд будет принят, куплен и продан в любой точке Европы. Отсюда Болонский процесс, отсюда реформа стандартов образования. То есть она следует из попытки интегрировать рынки труда и указать на то, что ваша мобильность может быть гораздо шире. А место проживания — это вопрос личного выбора.

— А как же родина?

Родина — это как раз комфортная среда проживания. Это то, где вам приятно.

Лопнувшие пузыри

— Все-таки — как это связано со всемирным кризисом? И, возможно, сегодняшний сюжет — еще не кризис, а начало. Авось в году, скажем, 2024 случится нечто более пессимистичное.

Я уже говорил, что первая железнодорожная революция длилась приблизительно до середины 1840-х годов. А завершилась она лопанием пузырей железнодорожного бума в 1845 году. Хотя эти пузыри лопались на биржах Британии, британские инвесторы теряли деньги, вложенные в железные дороги всего мира. Вторая железнодорожная революция также привела к появлению финансовых пузырей, которые лопнули к концу XIX века. В 1873–1875 годах из 364 дорог США 89 стали банкротами и в январе 1874 года многочисленные безработные устроили одну из самых крупных демонстраций в истории Нью-Йорка.

В дальнейшем кризисы были много раз. Поэтому ничего особенного при переходе от одной стадии к другой не происходит. Что такое финансовый пузырь? Когда вам нужно вложить очень большие деньги в реконструкцию пространства, в создание мощнейших, новых инфраструктур городской застройки, вы вынуждены аккумулировать дополнительные финансы за счет того, что вы немножко обманываете инвесторов. Но и они сами себя обманывают. Они не могут никогда точно просчитать, когда закончится этап роста. Поэтому финансы аккумулируются, вкладываются в масштабную реконструкцию, а потом, когда она завершается, все это лопается. Это совершенно

стандартный механизм и ничего особенного в нем нет. Мы сейчас переживаем один из этих рядовых циклов.

— Но у нас эти, по-вашему, стандартные грабли — главная страшилка. Значит, мы суть не улавливаем. В чем же проблема кризиса?

Проблема кризиса глубже. Она очень простая. Производство глобализировалось, торговля глобализировалась, а ресурсы еще не глобализировались. В одном месте есть нефть и газ, в другом нет. Хотя нужны. Вот Китай — сегодня второй, скоро будет первый, потребитель энергоресурсов в мире. А у него ничего кроме угля нет. 80% энергетики — это уголь. Вы можете это себе представить? Значит, если это все масштабировать, то они скоро ничего, кроме угля, перевозить не будут. Все дороги будут забиты углем. Они на уровне здравого смысла знают, что это невозможно. Неминуемо произойдет кризис энергообеспечения в Азиатском регионе. Потому что Азиатский регион растет быстрее всего. Там самая интенсивная индустриализация. И нет соответствующих энергетических ресурсов. Посмотрите географию.

Следовательно, за направление энергетических ресурсов туда, где они нужны сегодня, будет идти борьба.

Второй момент. Например, в Европе — резкое старение населения. Просто нет людей, нет рабочих рук. А в Индии к 2050 году будет два миллиарда жителей. Я думаю, что из нас никто не способен это себе представить. Никто из нас не способен представить, скажем, Бангладеш. Бангладеш — это территория Московской области, на которой живет 150 миллионов человек. То есть — больше, чем во всей России. Они живут везде. Мы себе этого не представляем. Мы живем на... родине. Поэтому надо молодежь для первого раза отправлять не

Европу, а туда — в Бангладеш. Они приедут и скажут: "Боже мой, как хорошо мы живем!"

Два миллиарда человек находятся сейчас в движении. Треть населения мира перемещается. Посмотрите те же Арабские Эмираты. Десять процентов коренного населения. Девяносто процентов приезжих. Это плавильный котел почище Соединенных Штатов. Более того, эти люди, когда они возвращаются обратно на родину, оказываются высокоподготовленными. Они прошли определенную школу.

То есть идет мощнейшие процессы перетока людей. Конкуренция за человеческие ресурсы, за трудовые ресурсы в первой четверти XXI века будет гораздо более высокой, чем была в XX веке. Люди сейчас — самый мобильный ресурс. Они движутся даже быстрее, чем деньги. Поэтому надо смотреть на шаг вперед, потом мысленно возвращаться к тому, что есть, и переоценивать некоторые процессы.

Слетайте в Бангладеш

— В Латвии, как и в России — депопуляция. Как быть? Призвать из Бангладеш миллион для Латвии и сотню миллионов для России?

Давно, несколько лет назад, я написал работу по созданию механизма натурализации в России. С моей точки зрения, крупное вливание новых людей на рынок труда в России безальтернативно. Если мы хотим перейти от сырьевой экономики к интенсивным формам хозяйства, нам нужно еще несколько миллионов рабочих рук. Но сегодня это невозможно. И, честно говоря, у России проблема с толерантностью по отношению к мигрантам.

Что касается Латвии, то к вам сегодня на учебу, согласно моей информации, уже приезжают гораздо больше иностранцев, чем, скажем, в Россию. Наверное, этот процесс будет продолжаться. Мне кажется, вы находитесь в сердце европейского процесса. Вы, конечно, можете чувствовать, что вы на периферии. Но, по сути, вы, так же как и сто лет тому назад, достаточно глубоко погружены в этот процесс.

— Сто лет назад авиации не было.

Согласен. Но это и есть метафора новых возможностей.

Материал на сайте:

<https://shchedrovitskiy.com/v-rige-vi-na-shag-operezhaete-rossiyu>